

ТРЕХМЕРНОСТЬ ВМЕСТО ПЕРВОЙ МАТЕРИИ: СРАВНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАТЕРИИ У АРИСТОТЕЛЯ И ФИЛОПОНА

М. Н. ВАРЛАМОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения

boat.mary@gmail.com

M. N. VARLAMOVA

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Russia

THREE-DIMENSIONALITY VS. PRIME MATTER: COMPARING THE IDEAS OF MATTER

IN JOHN PHILOPONUS AND ARISTOTLE

ABSTRACT. This paper considers a number of arguments in defense of the idea of matter's being created developed by John Philoponus in his treatise "De aeternitate mundi contra Proclum". It is well known that the concept of matter was transformed by Philoponus as compared to the physics of Aristotle, and in the present occasion I aim to contribute to an ongoing scholarly discussion on how Philoponus' concept of matter *qua* three-dimensionality helped him to substantiate the idea of creation *ex nihilo*.

KEYWORDS: Aristotle, Proclus, Philoponus, matter, *ex nihilo* creation.

* Статья написана при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых, грант № МК-2879.2015.6 «Спор о вечности мира как одна из ведущих линий формирования христианского научного мировоззрения».

Введение

Иоанн Филопон, христианин и ученый-неоплатоник, живший в VI веке н. э., предпринял обширную критику современной ему неоплатонической и перипатетической науки. Критика эта была направлена на то, чтобы защитить догматы христианской веры с научной точки зрения. Так, в трактатах «О вечности мира против Прокла» и «О вечности мира против Аристотеля» он стремится доказать христианский догмат о творении мира из ничто, то есть то, что мир имеет начало во времени, творится «из ничто», а не из ма-

терии, и принципиально уничтожим, а также опровергнуть аргументы оппонентов. Одним из существенных предметов его критики является понятие материи как бесформенного начала, из которого творится мир. Задача данной статьи – рассмотреть ряд аргументов Филопона о трехмерности как первой материи, сравнить представления о материи у Аристотеля и Филопона и указать, как филопоновское понятие трехмерности функционирует в контексте доказательства творения мира *ex nihilo*.

В античной науке материя, точнее, первая материя (*πρώτη* или *ἀπλῶς ὕλη*) как первое подлежащее всех форм, понимается как некое лишенное формы и неопределенное подлежащее всех физических вещей, которое участвует в построении всего телесного сущего. Такое понимание первой материи основывается на интерпретации платоновского «Тимея» и трактатов Аристотеля «Метафизика», «Физика», «О возникновении и уничтожении». Аристотелевская материальная причина интерпретировалась неоплатониками как эквивалент воспринимающего начала в «Тимее»,¹ причем неоплатоники отличали неопределенную материю как первое подлежащее от трехмерной протяженности как первой детерминации материи. Поскольку материя рассматривалась как первое подлежащее всех вещей, неотъемлемой частью понятия материи было представление о ее вечности или вневременности: материя не возникает и не уничтожается, но пребывает как начало возникновения и уничтожения. Неоплатоники рассматривали материю как принцип, противоположный творящему началу – материя не творится как некое сущее, но существует вечно как со-начало творения. Бог, соединяя идеи с материей, творит мир, но материя не является какой-то вещью в этом мире, напротив, будучи началом, противоположным божественным формам, она лишена формы и близка к не-сущему.²

В XI книге трактата «О вечности мира против Прокла» Филопон, доказывая сотворенность и уничтожимость материи, спорит с неким общим мнением неоплатоников и перипатетиков относительно первой материи,³ ко-

¹ См. de Haas 1997, xi.

² Ср. Бородай 2001, Sorabji 2010, 58–59, Sorabji 1988, 3–4.

³ О первой материи и протяженности велись оживленные дискуссии. Плотин (*Enn.* II, 4.11.1–13) утверждал, что трехмерность может рассматриваться как первое подлежащее возникновения, похожее представление о первой материи как протяженности можно найти также в трактатах пифагорейцев и стоиков (*Philop. Contr. Pr.* 410, 1–3, 413, 24–414,5). Порфирий (*Simpl. In Cat.* 48, 11–23, ср. Wolff 1971, 115) и Александр Афродисийский (*Simpl. De cael.* 134,10; 576,8; 599,5), напротив, рассматривали трехмерность как второе подлежащее, то есть как нечто, определяющее первую материю, Симпликий предлагал трехмерную протяженность в качестве

торое он описывает следующим образом (*Contr. Pr.* 409,21 и далее): первым подлежащим является материя, лишенная формы, которая определяется как нечто бестелесное, затем существует трехмерное протяжение или тело как таковое, лишенное качеств. Это протяжение понимается как телесная материя и подлечит четырем элементам, из которых, в свою очередь, складываются сложные тела. Оппонируя описанному общему мнению, Филопон предлагает новый взгляд на существо первой материи, а именно, он отрицает существование некоего бесформенного материального начала и в качестве первого подлежащего предлагает трехмерную протяженность или тело без свойств.

Данное рассмотрение происходит в горизонте доказательства временной конечности мира. В христианской парадигме мышления бог творит мир не из материи, а из ничто, и поэтому материя воспринимается не как начало, противоположное божественному, т. е. не как подлежащее творения, но как нечто сотворенное. Для того чтобы в рамках физического дискурса доказать творение из ничто, Филопону необходимо показать, что бог творит не только форму, но и материю (*Contr. Pr.* 341, 18–20).⁴ При этом Филопон, как и неоплатоники, полагает, что вещи соотносятся с идеями или логосами в божественном уме (*Ibid.* 41.8–22; 78.8–24),⁵ а значит, любая сотворенная вещь имеет логос своего существования (*Ibid.* 427,15–16). Следовательно, чтобы определить материю как нечто сотворенное, Филопону необходимо показать, что она сама по себе имеет некий логос или форму (*Ibid.* 427, 25–26), хотя и, будучи первым подлежащим возникновения, не включает в себе сложности.

Материя у Аристотеля

Подлежащее как «то, из чего» нечто возникает

Рассматривая материю у Аристотеля, необходимо отделить материю как подлежащее, о котором сказываются свойства или из которого нечто возникает, и материю как начало. В первой книге «Физики» Аристотель указывает три начала возникновения: подлежащее как материю возникновения, лишенность как не-сущее, сопутствующее материи, и форму как то, что возникает (*Phys.* 189b30–191b28). Подлежащее, или материя – это нечто, о чем сказываются свойства, и что определяется формой. Любое физическое дви-

---

первого подлежащего (*Simpl. In phys.* 623, 18–20, см. также Sorabji 1988, 18–20). Описание и анализ этих дискуссий выходит за пределы отдельной научной статьи.

⁴ См. также Wolff 1971, 133–134.

⁵ См. также Беневич 2009, 33–54.

жение может быть рассмотрено как изменение из лишенности в форму, а любое подвижное сущее оказывается подлежащим или материальным началом движения. Материя и форма являются началами возникновения сущего, и в этом смысле они просты, но материя как подлежащее определенного возникновения оказывается сложной. Подлежащее, о котором сказываются свойства и из которого возникает нечто иное, всегда само по себе является неким определенным сущим, а материя возникновения – всегда является уже оформленной материей, и потому Аристотель называет материю возникновения сущностью и природой (*Met.* 1029a10; *Phys.* 192a5–6, 193a27–30). Любое сложное сущее является подлежащим движения, и вместе с тем – некой сущностью в материи, причем материя такого подлежащего сложна: например, тело является материей человека и в то же время чем-то сложным из органов и частей, каждая из которых имеет свою форму и свое движение. Эти части и органы состоят, в свою очередь, из подобочастной материи, такой как мясо, кости или кровь, а подобочастная материя складывается из элементов (*De part. an.* 646a12–30).

Элементы и первая материя

Элементы – это простые тела, которые определяются через сочетания противоположных чувственно воспринимаемых свойств: сухость и влажность, мягкость и твердость, тепло и холод, легкость и тяжесть. Простыми Аристотель называет элементы потому, что их материя не раскладывается на еще какую-то, более простую материю, но, напротив, сами элементы, смешиваясь, составляют материю сложных тел. Однако сами по себе элементы также сложены из формы и матери как начал собственного бытия. Свойства элементов являются неким определением, то есть формой, которая ограничивает элемент как некое «что» – воздух, огонь, воду или землю. Эти свойства сказываются о подлежащем, которое Аристотель называет началом или первой материей (*De gen. et corr.* 329a24–31).

Первая материя не существует отдельно от элементов (Сергеев, Слинин 1987, 11), не может быть отделена от них, поскольку не имеет какого-либо определения, однако, будучи способной воспринять любое определение, она лежит в основе противоположных чувственно воспринимаемых свойств и является началом элементов как «то, из чего». Однако, будучи началом элементов, материя не является подлежащим их возникновения – элементы возникают не из материи, а друг из друга. Материя, наряду с формой, определяется Аристотелем как начало и причина бытия всякой вещи, и в этом смысле она равно является основой бытия как для элементов, так и для сложных вещей. Начало рассматривается Аристотелем не как нечто сущее и не как что-

то, что может присутствовать наряду с сущим, но лишь как то, что присутствует в сущем таким способом, что дает этому сущему быть. Материя как чистая возможность рассматривается как то, что дает сущему протяженность и способность к изменению, а форма как актуальность дает определенность, то есть возможность быть неким «что», таким образом, первая материя оказывается началом, которое Аристотель определяет как возможность или δύναμις по отношению к форме как действительности. В «О возникновении и уничтожении» первая материя определяется как возможность быть и не быть (*De gen. et corr.* 335a32) или «чувствуемое тело в возможности» (*Ibid.* 329a34–35), в «Физике» – как стремление к форме (*Phys.* 192a25–30). Возможность (δύναμις), которой Аристотель определяет материю, он понимает не только в пассивном смысле, как возможность воспринимать форму, но и в активном смысле, как стремление (*Phys.* 192a18–20).⁶ Так, материя оказывается началом стремления вещи, которое присуще вещи по природе, и поэтому Аристотель называет материю природой (*Ibid.* 193a28–30).

Поскольку первая материя сама по себе является чистой возможностью, она лишена формы, не может быть определена как некая сущность и не может существовать как нечто отдельное (*Met.* 1029a20–30). Будучи лишенной определения, материя выпадает из сетки категорий и не может быть обозначена как «нечто» – скорее, материя есть «то, не знаю что» (Sorabji 2010, 58), не некое сущее, но начало сущего. Простота начала, которая выводит материю за пределы возникновения, с одной стороны, и близость к небытию – вот на чем основывается представление о вечности материи. Вечность материи и понимание материи как возможности формы и стремления к форме позволяют мыслить космос как нечто вечное: с одной стороны, все вещи в качестве первого источника возникновения имеют неразрушимую материю, с другой, круг возникновений не может прерваться, поскольку непрерывно движение Неба как движущая причина возникновения, а значит, космос как целое всего физического сущего не может разрушиться.

Возможность и величина

Как мы сказали выше, Аристотель определяет первую материю как возможность чувственно воспринимаемых свойств (*De gen. et corr.* 329a32–35). Если сами свойства сущее имеет по своей форме, то нечто, о чем сказываются эти свойства, оказывается материей, а материя подвижного сущего понимается в первую очередь как начало, благодаря которому сущее может быть таким или иным, иметь то или иное свойство. Поскольку же любое свойство – это

---

⁶ См. также Lang 1992, 124.

возможность противоположного, материя, будучи возможностью противоположных свойств, оказывается началом движения.

Однако любое сущее, помимо качественных свойств, определяется еще и как тело. Всякое сущее, имеющее свойства, является телом, а материя является телом в возможности. Аристотель утверждает, что «тело есть то, что имеет протяжение во все стороны» (*Phys.* 204b20). Так, помимо свойств, сущее, сложенное из материи и формы, обладает протяжением. Протяжение тела ограничено формой, поэтому телом называется то, что имеет определенную величину, тогда как материя этого тела понимается как протяжение неопределенной величины, которая «охватывается и определяется формой как, например, поверхностью и границей» (*Ibid.* 209b8–9). Как кажется, само это неопределенное протяжение оказывается свойством, которое приписывается материи: «ведь если от шара отнять границу и свойства, не останется ничего, кроме материи» (*Ibid.* 209b10–12). Если форма понимается как граница тела, материя оказывается протяженностью, наполняющей эту границу, причем сама по себе материя рассматривается как неопределенная величина, протяженная в длину, ширину и глубину, которая, в сочетании с формой, становится определенной величиной, то есть телом. Однако Аристотель далек от мысли о том, что материя сама по себе и есть величина, то есть что она как величина может быть отделена от тел, напротив, будучи отделенной от тела материя теряет не только простые свойства, но и протяженность: «Ведь отделенная [материя] или вовсе не займет места, или будет подобна некоей точке, пустоте, нечувствуемому телу» (*De gen. et corr.* 320a34–320b2). Протяженностью именуется материя лишь постольку, поскольку она уже есть материя какого-либо тела, уже обладает свойствами и соотносится с формой (*De gen. et corr.* 320b22–24). Материя, ограниченная формой, является подлежащим величины и свойств этого тела, однако материя сама по себе – первая материя – не обладает ни свойствами, ни величиной.

Материя у Филопона

Материя не может возникнуть из материи

Рассматривая вопрос о материи, Филопон указывает на то, что любая вещь возникает из некоего подлежащего, которое является существующей вещью, составленной из материи и формы (*Contr. Pr.* 426,10–21; 409,25–410,1): элементы возникают из элементов, как, например, воздух из воды, сложные тела возникают из сложных тел, как дерево возникает из семени, а человек образованный – из человека необразованного. Сложное сущее, будучи подлежащим возникновения, является материей, лишенной той формы, которая возникает, таким образом, в качестве материи может быть рассмотрено

любое подвижное сущее, которое, являясь подлежащим для возникновения другого сущего, может быть помыслено через лишенность: «По отношению [к возникновению] вся материя могла бы быть названа бесформенной, не обладающей ни одной из форм, которые она приемлет, но для нее не необходимо быть совсем лишенной формы, поскольку всякая последняя материя, вплоть до самой трехмерности, сотворена в форме» (*Contr. Pr.* 427,1–6).

Сущее, будучи подлежащим возникновения, должно рассматриваться как нечто, лишенное формы, – то есть, как материя. Однако Филопон утверждает, что материя не может возникнуть из другой материи (*Ibid* 446,1–457,10), опираясь на аргумент, который Аристотель эксплицировал в «Физике»: «... как то, в чем [заключена лишенность], она уничтожается сама по себе, ибо здесь уничтожается лишенность, а как [подлежащее] в возможности, [материя уничтожается] не сама по себе, но ей необходимо быть неуничтожимой и невозникшей. Ведь если бы она возникла, то [ей] должно было бы подлежать нечто первое, из чего, как из присущего [ей], она бы возникала, но это и есть ее природа, так что она будет прежде [своего] возникновения» (*Phys.* 192a 25–31).

Рассматривая этот аргумент вслед за Аристотелем, Филопон стремится доказать, что материя не возникает из материи. Аристотель в «Физике» ссылается на природу материи в качестве первого подлежащего; Филопон же находит другие аргументы для доказательства.

1. Во-первых, он говорит о том, что материя и форма – это соотносенные начала, которые вместе образуют сложное сущее и не обладают бытием сами по себе (*Philop. Contr. Pr.* 451,20–452,2). Материя не может быть сама по себе, но только в сочетании с формой, как материя сущего (*Ibid.* 451,22–25), но также и форма не может быть сама по себе, без материи. Но если форма нуждается в материи, чтобы быть формой, то сама материя нуждается в форме (*Ibid.* 451,7–20). Материя не нуждается в подлежащем, чтобы быть подлежащим (*Ibid.* 450,25), а если бы она нуждалась в некоем подлежащем для того, чтобы быть, то «она была бы уже не подлежащим и материей, но в подлежащем и формой» (*Ibid.* 451,6), то есть была бы сложным сущим, композитом из формы и материи. Итак, Филопон вслед за Аристотелем повторяет, что сама природа материи исключает возможность помыслить материю до материи или подлежащее до подлежащего, поскольку тогда материя была бы не материей, а определенной вещью. Таким образом, мы можем сказать, что понятие первого подлежащего устроено так, что оно не допускает наличия еще более первого подлежащего для своего существования.

2. Во-вторых, он отделяет материю саму по себе (простую материю) как начало сущего от определенной материи, которая является материей

единичной вещи или материей возникновения. Он указывает на то, что возникновение, как и любое движение, сказывается только о чем-то определенном, единичном и отдельном. Причем, как отмечает Филопон: «всякое возникающее, возникает из чего-то не такого-же. Так, из не-меди возникает медь, из не-воды – вода и из не-человека – человек» (*Contr. Pr.* 449,13–16). Единичной материей возникновения является некое сущее, которое само представляет собой композит из материи и формы и, с другой стороны, принадлежит к иному виду, нежели возникающее (ср. *Arist. De gen. et corr.* 332a5–26, 332b31–333a15). Но несмотря на то, что любое единичное является сложным сущим, в качестве подлежащего возникновения оно должно рассматриваться как нечто простое, а не сложное, поскольку материя, подлежащая форме, проста (*Philop. Contr. Pr.* 454,18–25): чтобы думать об отесанных камнях как о материи дома, мы должны рассматривать их не как нечто сложное (комбинацию материи и формы), но как нечто простое – как эту-вот материю.

3. В-третьих, Филопон пишет о том, что материя как начало должна соотноситься с формой как началом так же, как единичная материя соотносится с формой единичной вещи (*Contr. Pr.* 455,15–22). Единичное сущее не нуждается в дополнительной материи, чтобы быть подлежащим, из которого возникает другое сущее (камень в качестве материи дома не нуждается в дополнительной материи, чтобы быть), а значит, если простая материя соотносится с формой так же, как материя единичного с формой единичного, то и простая материя не нуждается в какой-либо другой материи, чтобы быть подлежащим. С другой стороны, Филопон отмечает, что из того, что материя не нуждается в материи для того, чтобы быть материей, не следует вечность материи. Если все возникающее возникает из чего-то, что не является тем же самым по виду, то и материя возникает из чего-то, что материей не является, – не из материи, а из ничто (*Ibid.* 450, 6–10).

В своей аргументации Филопон во многом близок к Аристотелю. Именно Аристотель эксплицирует представление о соотношении материи и формы в сложном сущем, утверждая, что материя и форма не существуют отдельно друг от друга и нуждаются друг в друге для существования. Он же доказывает и то, что отдельное сущее возникает не из первой материи, а из некоего подлежащего, которое само по себе уже является оформленным сущим. Оба они согласны в том, что материя не может возникать из материи, кроме того, оба одинаково понимают значение материи как подлежащего, которое остается неизменным в череде возникновений и уничтожений множества вещей в космосе (*Contr. Pr.* 457,19–22), и своей неизменностью утверждает единство и неизменность космоса в целом. Однако если Аристотель делает

из этого вывод о том, что материя, или первое подлежащее, не возникает и не уничтожается вообще, то Филопон приходит к тому, что неизменность подлежащего в череде возникновений различных сущих не означает, что само это подлежащее принципиально несотворено и неуничтожимо (Ibid. 458,1–5), а то, что материя не может возникнуть из материи, означает, что материя возникает из ничто. Таким образом, Филопон, опираясь на аргументы, почерпнутые из аристотелевской физики, приходит к кардинально иному выводу, поскольку понятие материи у Филопона имеет иное значение. Если для Аристотеля материя есть начало подвижного, стоящее вне ряда существующих вещей, то у Филопона материя, оставаясь необходимым бытийным компонентом вещи, рассматривается уже не как нечто, стоящее вне существования, но как первый уровень сотворенной телесной реальности, как некий элемент до элементов. Материя перестает быть неопределенным нечто, мыслимым «по ту сторону» сущего, и становится в ряд сотворенных вещей.

Материя как первое подлежащее

Хотя Филопон различает простую материю от материи единичного возникновения, он соглашается с тем, что для непрерывности возникновения недостаточно мыслить каждое отдельное подлежащее как материю по отношению к возникающей форме, но считает необходимым установить значение материи как некоего подлежащего: «ничто не сможет измениться в нечто другое, если обоим не подлжит одна и та же материя» (*Contr. Pr.* 411,10–11). Таким образом, для непрерывности возникновения необходима некая общая материя всех вещей, которая определяется как первое подлежащее. Эта общая материя, по определению Филопона, должна отличаться от формы, которую она воспринимает (Ibid. 412,1), и должна оставаться неизменной при изменении вещей друг в друга (Ibid. 412,18–19). Однако если для Аристотеля первая материя была одновременно и началом, и первым подлежащим, из которого возникает все сущее, то для Филопона материя как начало, соотнесенное с формой, отличается от первой материи как подлежащего, а именно, первая материя как подлежащее возникновения «не является ни бестелесной, ни бесформенной (*ἀσώματον τε καὶ ἀνείδεον*)» (Ibid. 412,16–17).

Материя не может быть без формы

Доказательство Филопона строится на том, что нечто, лишённое формы, вообще не может обладать бытием. Так, он настаивает на том, что «каждое из сущих имеет природный логос, в соответствии с которым оно существует»

(*Contr. Pr.* 427,15–16). Любая из существующих вещей, будь она сложной вещью или элементом, имеет форму. Форму или вид Филопон понимает как логос бытия вещи или как ее сущность (*Ibid.* 427,23–24). Когда мы говорим, что нечто есть, мы всегда имеем в виду соединение материального начала и формы как логоса бытия, благодаря которому это нечто есть именно нечто, а не ничто. Так, если любая вещь существует по своему логосу, то либо материя не существует вовсе и является «пустым именем» (κενὸν ὄνομα, *Ibid.* 427,21), либо она тоже обладает логосом своего бытия: «логос материи, в соответствии с которым она существует, есть ее вид и сущность» (*Ibid.* 427,24–26).

Трехмерность как первое подлежащее

Филопон настаивает, что первое подлежащее должно быть неизменным и отличаться от форм, которые оно воспринимает (*Contr. Pr.* 412,1–3), но при этом не должно быть вовсе лишенным формы (*Ibid.* 427,26–27). Он утверждает, что таким подлежащим, которое является основанием физического изменения, должно быть то, что остается, если отнять у сущего качественные свойства и определенную величину – тело как таковое, лишенное свойств и не определенное в отношении большого и малого (*Ibid.* 413,25–414,5). Это тело представляет собой неопределенный объем, который существует как протяженность в трех измерениях, или трехмерность (τὸ τριχῆ διαστατόν). Трехмерность Филопон рассматривает как первое подлежащее, которое, хотя и не ограничено какой-то определенной величиной, фигурой или свойством, не является бесформенным и потому отличается от аристотелевской первой материи (*Contr. Pr.* 427,6–10). Поскольку Филопон доказывает, что первой, бесформенной материи не существует, он замещает первую материю трехмерностью: «ничто не мешает трехмерности, которая сама сотворена в форме и не является бесформенной, быть первой материей» (*Ibid.* 428,1–3).

Анализ понятия трехмерности

Рассмотрим подробнее, как Филопон вводит понятие трехмерности.

1. *Подлежащее есть тело.* Форма является не только сущностью вещи, но и границей, определяющей протяженность материи. Материя, протяженная в своих границах, является телом, материя же, лишенная формы, не может быть телом и потому является бестелесной. Для Филопона иметь форму означает быть телом, поэтому «бестелесное» и «бесформенное» он часто употребляет как синонимы. Когда мы говорим о возникновении физического сущего, в первую очередь идет речь о возникновении некоего тела, то есть, какой-то ограниченной величины, о которой сказываются свойства.

Если Аристотель, отнимая свойства у сущего, отнимал также и величину и приходил к бесформенной материи как неопределенному началу и подлежащему форм (Arist. *Met.* 1029a15–22), Филопон, отнимая свойства сущего, приходит к телу как подлежащему свойств. Сложное сущее возникает из сложного сущего, а элемент возникает из элемента, – но и сложное, и элемент, являются телом, а значит, при любом возникновении тело возникает из другого тела.

Тело Филопон определяет как нечто, имеющее объем, или величину, протяженную в трех измерениях. Он настаивает на том, что любое возникновение, как и уничтожение, сопровождается изменением величины и может быть описано как увеличение или уменьшение величины (*Contr. Pr.* 414,1–15, 417,20). Таким образом, при рассмотрении возникновения одного сущего из другого первой характеристикой, присутствующей в любом изменении, будет характеристика величины. Филопон утверждает, что большое и малое являются первой дифференцией тела (*Ibid.* 417,19–20), однако изменение тела от большего к меньшему и наоборот не являются изменением тела как такового – и большее, и меньшее тело все равно остается телом, то есть неким объемом, протяженным в трех измерениях.

Таким образом, Филопон приходит к выводу, что первым подлежащим возникновения является не бестелесная материя, а некая материя, которая может рассматриваться как подлежащее телесного возрастания и убывания, то есть – как некая величина (или объем), которая не изменяется сама по себе, но является основанием всех телесных изменений (*Ibid.* 429,10–17).

2. *Объем как характеристика телесности.* Филопон отмечает, что быть телом – означает занимать какой-то объем, который можно охарактеризовать через меньшее или большее, и этот объем и является первой и необходимой характеристикой телесности. Этот объем или недифференцированную величину он называет трехмерностью и понимает ее как начало и сущность телесности, то есть как подлежащее всех телесных качеств (*Contr. Pr.* 424,23–424,28). Трехмерность сама по себе не определяет границы тел (границы определяет форма или природа), но существует как нечто, заполняющее эти границы, как телесность, которая, не будучи каким-то определенным телом, понимается как основа для всех последующих определений физической вещи. Если первое изменение – изменение величины – происходит потому, что ему подлежит трехмерность, то сама трехмерность, не содержащая в себе различий на большее и меньшее, не может увеличиваться и уменьшаться, а также не может измениться в не-трехмерное, а значит, всегда пребывает подлежащим любого возникновения (*Ibid.* 412,15–20; 413,10–25). Так, Филопон определяет материю как тело как таковое или тело без

качеств (ἄπειρον τε καὶ ἀπλῶς λεγόμενον σῶμα), не дифференцированное на большее и меньшее, а трехмерность считает сущностью такого тела.

Трехмерность как логос материи

Как мы писали выше, представление о том, что тело как таковое или трехмерная протяженность подлежит возникновению всех вещей, было общим для неоплатонической и перипатетической философии. Однако обычно предполагалось, что трехмерность не является первым подлежащим, оставаясь лишь первым определением материи как таковой (первой материи). Бесформенная и бестелесная первая материя, будучи определена через трехмерность, становится телом без свойств, которое, в свою очередь, подлечит элементам как простым телам, определенным через свойства. Филопон же доказывает, что трехмерность не нуждается в другой, более первой материи, но сама является первым подлежащим. Утверждая, что тело как таковое является первым подлежащим, которое не имеет под собой еще какой-либо материи, Филопон выдвигает следующие аргументы: 1) бестелесное не может быть началом тела; 2) трехмерность – это сущность, а не акцидентальное качество, 3) трехмерность проста.

1. *Бестелесное не может быть началом тела.* Грамматик доказывает, что бестелесное не может стать телом, а тело не может быть бестелесным в возможности (*Contr. Pr.* 440,19–444,21), поскольку бестелесная материя, не имеющая величины и частей, не может быть началом протяженности и количества, присущих телу (*Ibid.* 440,20–25), а также не может быть началом делимости вещи (*Ibid.* 439,20).

1) Если материя является бестелесной, то из любого количества материи может возникнуть тело любой величины (*Ibid.* 435,7–25). Однако же мы видим, что увеличение материи происходит не само по себе, но за счет прибавления новой материи, а любое количество материи не может принять любую форму (*Ibid.* 432,25–433,4) без изменения величины самой материи, а значит материя сама по себе должна быть количеством.

2) Если материя бестелесна и не имеет величины, и «если всем вещам [подлежит] одна и та же, а не множество материй» (*Contr. Pr.* 436,17–20), то материя не может быть поделена между телами (*Ibid.* 436,17–24), и сама не может быть началом тела, делимого на части (*Ibid.* 437,8). Если же и форма лишена частей, и материя, будучи бестелесной и бесформенной, не может быть делимой, то и само тело не имеет начала делимости (*Ibid.* 439,25–440,6), а значит, не может быть целым, делимым на части. Филопон же настаивает: «Трехмерность есть первое подлежащее всех и материя, которая, по природе будучи делима между формами, существующими в ней, ста-

новится причиной разделения на части и протяжения» (Ibid. 440,6–9).

2. *Трехмерность – сущность, а не акциденция.* Если мы определяем сущность через категорию количества – не является ли это определение акцидентальным, а не сущностным? Эта трудность возникает, поскольку Филопон считает трехмерность логосом, то есть сущностью материи, а не количественной категорией. Если вещь, обладающая свойствами, является некоей сущностью, о которой сказываются категории (и, следовательно, подвижной сущностью), то тело как таковое является некой простой сущностью, которая не обладает акцидентальными качествами. Однако для того, чтобы считать трехмерность сущностью, а не акциденцией, необходимо отличить эту трехмерную протяженность неопределенной величины от величины в категории количества. Для этого Филопон проводит различие между сущностными и привходящими свойствами на примере элементов (*Contr. Pr.* 422,5–10). При уничтожении акцидентальных качеств сущее остается, тогда как уничтожение сущностных свойств ведет к уничтожению сущности (Ibid. 423,1–5). Так, если трехмерность – это акцидентальное свойство, она может быть отнята от тела, как и свойства элементов могут быть изъяты из элементов. Но элементы не могут сохраняться при уничтожении свойств: огонь невозможен без тепла, а вода без влажности – поэтому свойства элементов не акцидентальны, но определяют их сущность. Трехмерность Филопон относит к сущностным свойствам на том же основании: при изъятии трехмерного протяжения уничтожается тело, поскольку тело, не имеющее объема или трехмерной протяженности, не является телом вообще: «Невозможно помыслить тело отдельно от трехмерности, поэтому она – сущность тела» (*Contr. Pr.* 425,5–6).

Таким образом, поскольку логос есть сущность, а существующая материя должна иметь логос своего бытия, трехмерность оказывается логосом материи, а поскольку трехмерность как неопределенное тело без свойств есть первое подлежащее всех вещей, она занимает место первой материи.

3. *Трехмерность является простым сущим.* В аристотелевской физике сущее понимается как сложенное двух простых начал, материи и формы. В отличие от аристотелевской первой материи, которая сама по себе является неопределенным и неопределимым началом, Филопон вводит материю, которая, хотя и не существует отдельно как сложная вещь, однако может быть определена не только через лишенность формы, но и согласно собственному логосу как некое «что». Филопон характеризует материю как тело без свойств, которое определяется через трехмерность; таким образом, трехмерность оказывается логосом материи, а сама материя перестает быть лишенной формы – простое тело без качеств Филопон называет «сотворен-

ным в форме» (εἰδοπεποιημένον). Может ли трехмерность рассматриваться как нечто простое и, будучи простым, может ли она воспринимать форму и быть началом сложных вещей? Сложное сущее, составленное из материи и формы, существует как нечто отдельное, способное двигаться, возникать и уничтожаться. Трехмерность Филопон определяет как то, что не может быть отдельно и также не может изменяться (*Contr. Pr.* 428,19), – в отличие от Александра (Sorabji 1987, 151) он не мыслит трехмерность как сложение трехмерной формы и бестелесной материи, но считает ее чем-то простым, то есть неразделимым на дальнейшие элементы или начала, и называет ее простым объемом или простой величиной (ἄπλοῦς ὄγκος) (*Contr. Pr.* 428,5–20)⁷. Простота трехмерности определяется, с одной стороны, по отношению к сложным вещам, с другой – геометрически. В соотношении с вещами трехмерность проста, поскольку она является последним пределом, до которого вещь можно разложить, и сама не может быть разложена на какие-либо элементы или свойства, то есть она оказывается простой не безусловно, а по отношению к сущему – как наиболее простая вещь из тех, что существуют (*Ibid.* 428,6–7). В геометрическом же плане трехмерность сложна, поскольку точка или линия являются более простыми. Однако, в отличие от геометрической плоскости, трехмерность не может быть разделена на линии, поскольку такое разделение для тела невозможно.

Кроме того, Филопон указывает, что любая вещь, будучи подлежащим возникновения, должна рассматриваться как простая материя, несмотря на то, что сама по себе она является сложным сущим (*Contr. Pr.* 454,18–25). Трехмерность не может быть отдельно от вещей и существует только как первое подлежащее, а значит, по определению первого подлежащего, должна рассматриваться как нечто простое. Будучи первым уровнем бытия, о котором не сказываются противоположности, тело без качеств само по себе не подвержено изменению, будучи неопределенным количеством оно не может становиться больше или меньше, поскольку в нем нет различия на большее или меньшее; также оно не может изменяться еще в какой-либо из категорий, поскольку о нем не сказываются иные свойства. Для Филопона простота сказывается о том, что не может изменяться (*de Naas* 1997, 45), то есть о том, что не совмещает в себе противоположностей. Простое тело подлежит всякому изменению как его необходимое условие (ни одно изменение не происходит вне трехмерной протяженности), но само оно не становится отдельной вещью и потому не может пониматься как нечто сложное.

---

⁷ См. также *de Naas* 1997, 44–45.

Таким образом, трехмерность совмещает в себе свойства первой материи: она, с одной стороны, является подлежащим вещей, а с другой – чем-то наиболее простым и неразложимым. Поэтому, хотя трехмерность определяется не через лишенность формы, но через собственный логос, Филопон считает, что она должна заместить понятие первой материи, указывая, что «если кто-то захочет назвать ее первым подлежащим или [первой] материей, то мы совсем не будем спорить об именах» (*Contr. Pr.* 428,25).

Заключение

В контексте доказательства положения о творении мира из ничто понятие материи приобретает для Филопона фундаментальную важность: сотворение мира *ex nihilo* предполагает сотворение из ничто материи как начала физических вещей. Для того чтобы доказать принципиальную возможность творения из ничто, Филопон изменяет понятие материи как начала, замещая первую материю трехмерностью или телом без свойств. Трехмерность или простое тело без качеств берет на себя функции первой материи в том плане, что оно подлечит элементам и является составной частью всех существ и, соответственно, тем, что остается, если убрать все остальные качества, определяющие это-вот сущее. Будучи первым подлежащим, трехмерность имеет бытие не только как начало, но и как некая чтойность, как нечто, обладающее собственным логосом.

Аристотель утверждает материю как начало, которое лежит по ту сторону возникновения и делает любое возникновение возможным, и как возможность (*δύναμις*) или стремление, которое является причиной движения, у Филопона же материя определяется через количество, то есть объем или трехмерность как сущностную характеристику телесности. Аргументация Филопона приводит к представлению о пределе возникновения, в качестве которого рассматривается тело как таковое – тело, лишенное собственной подвижности и в этом смысле выведенное за пределы физических тел, но при этом не лишенное границ или формы, и потому имеющее собственный логос; тело как таковое может возникнуть, но, будучи первым субстратом физического возникновения, оно возникает не из чего-то еще более первого, а из небытия. Таким образом, телесность, понятая через трехмерность, оказывается основанием мышления физического сущего, при этом само тело без свойств, определенное через собственный логос, замещает неопределенную первую материю, позволяя Филопону мыслить материю как то, что может быть сотворено из ничто.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Wildberg, C., ed., tr. (1987) *Philoponus Against Aristotle, on the Eternity of the World*. London: Bloomsbury.
- Share, M., tr. (2010) *Against Proclus, on the Eternity of the World 9-11*. London: Bloomsbury.

Исследования

- Haas, Frans A. J. de (1997) *John Philoponus' New Definition of Prime Matter*. Leiden: Brill.
- Judson, L. (2010) "God or nature? Philoponus on generability," R. Sorabji, ed., *Philoponus and the Rejection of Aristotelian Science*, 2nd edition. London: Institute of classical studies, 221–239.
- Lang, H. S. (1992) *Aristotle's Physics and its Medieval Varieties*. State University of New York.
- Sambursky, (1962) *The Physical World of Late Antiquity*. Princeton University Press.
- Scholten, C. (1996) *Antike Naturphilosophie und christliche Kosmologie in der Schrift "De opificio mundi" des Johannes Philoponos*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Sorabji, R. (1987) "Simplicius: prime matter as extension," I. Hadot, ed., *Simplicius: Sa vie, son oeuvre, sa survie*. Berlin: Walter de Gruyter, 148–165.
- Sorabji, R. (1988) *Matter, Space, and Motion*. Cornell University Press.
- Sorabji, R. (1990) "The Antient Commentators of Aristotle," R. Sorabji, ed. *Aristotle Transformed. The Ancient Commentators and their Influence*. London: Bloomsbury, 1–31.
- Sorabji, R. (2010) "John Philoponus," R. Sorabji, ed. *Philoponus and the Rejection of Aristotelian Science*. 2nd edition. London: Institute of classical studies, 1–81.
- Wildberg, C. (1988) *John Philoponus' Criticism of Aristotle's Theory of Aether*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Wolff, M. (1971) *Fallgesetz und Massebegriff. Zwei wissenschaftliche Untersuchungen zur Kosmologie des Johannes Philoponus*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Беневич, Г. И. (2009) «Иоанн Филопон», Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков ред., *Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия. В 2-х т. Т. 2*. Москва, Санкт-Петербург, 33–54.
- Бородай Т. Ю. (2001) «Материя», *Новая философская энциклопедия*. <http://iphras.ru/elib/1825.html> (дата обращения: 15.12.16).
- Месяц, С. В. (2000). «Аристотелевская физика в афинской школе неоплатонизма», П. П. Гайденоко, В. В. Петров, ред., *Философия природы в античности и средние века*. Москва: Прогресс-Традиция, 274–300.
- Сергеев К. А., Слинин Я. А. (1987) *Диалектика категориальных форм познания. Космос Аристотеля и наука Нового времени*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.